

Н. В. Юхнева

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТЕРБУРГА

При изучении дореволюционного Петербурга важное место должна занимать этническая проблематика¹. Пестрота этнического состава характерна для населения столиц, крупных культурных и промышленных центров, портов (Петербург был одновременно и тем, и другим, и третьим), тем более — в многонациональной стране. Кроме того, Петербург был расположен не в центре, а на периферии расселения русских, там, где они граничили с другими народами. Все это привело к тому, что в населении Петербурга на всем протяжении его истории значительный процент составляла нерусская прослойка. Об этом пишет В. И. Ленин, анализируя данные о родном языке учащихся начальных школ, собранные в 1911 г. по Петербургскому учебному округу в целом и, в частности, по Петербургу: «Таковы сравнительные данные. Они показывают громадную национальную пестроту населения, — хотя относятся к одному из наиболее великорусских районов России. Сразу видна наибольшая пестрота крупного города С.-Петербурга. Это — явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и всех концах мира»².

Вместе с тем, Петербург всегда оставался русским городом, как по национальности подавляющего большинства населения, так и по доминированию русской культуры.

Этническая проблематика на материале русского города периода капитализма специально еще почти не разрабатывалась. Что же касается собственно Петербурга, то не только этнические процессы, протекавшие в нем, но даже этнический состав его населения не изучен.

Работа была начата, как это обычно принято в этнографических исследованиях, с анализа формирования населения, его этнического состава, социальной структуры и расселения, без чего невозможно изучение этнографии Петербурга. Результаты кратко изложены в двух

¹ О значении этнической проблематики для изучения городского населения см., например, следующие работы: М. Г. Рабинович. Некоторые проблемы этнографического изучения русского феодального города, М., 1964 (Доклад на VII МКАЭН); его же. Очерки этнографии русского феодального города, М., 1978; В. Ю. Круплянская, М. Г. Рабинович. Этнография города и промышленного поселка. — «Сов. этнография», 1964, № 4, с. 118—125; В. В. Покшишевский. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения — «Сов. этнография», 1969, № 5, с. 3—15; «Современные этнические процессы в СССР», М., 1975, с. 135—155; Н. В. Юхнева. Изучение города как этнографическая проблема. — «Этнографические исследования Северо-Запада СССР», Л., 1977, с. 141—147. Считаю необходимым исправить здесь невольную вышедшую в последнюю статью ошибку: в ней на с. 146 приведено одно из положений вышеупомянутого доклада М. Г. Рабиновича (1964, с. 4) — о неизбежной ассимиляции национальных меньшинств в городском населении, в составе которого преобладает одна национальность, сплоченная в культурном и этническом отношении, — но отсутствует ссылка на нее.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 220.

разделах настоящей статьи. Последний раздел посвящен этническим процессам; в нем я хочу лишь поделиться некоторыми предварительными соображениями по этой проблеме. Хронологически исследование охватывает последнюю треть XIX — начало XX в.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ДИНАМИКА ³

I. Получить точные и исчерпывающие данные об этническом составе петербургского населения последней трети XIX — начала XX в. не так просто, несмотря на то, что в период 1869—1910 гг. в Петербурге было проведено шесть переписей⁴. Дело в том, что материалы переписей не могут полностью удовлетворить исследователя. Одна из причин — недостаточно точное употребление некоторых этнонимов. Так, этноним «русские» употреблялся в двух смыслах — и в его теперешнем значении, и как обобщенное наименование трех восточнославянских народов. Финны Петербургской губернии присоединялись то к эстонцам, то к финнам. Вторая причина, по которой данные дореволюционных переписей нельзя считать удовлетворительными — это отсутствие сведений об этнической принадлежности, которые заменены сведениями о родном языке. Из-за этого к немцам отнесены, кроме собственно немцев, австрийцы, швейцарцы, а также небольшие группы эстонцев, латышей и евреев, считавших родным немецкий язык. В числе русских учтены представители почти всех национальностей, перешедшие на русский язык, хотя и не утратившие национального самосознания.

Вследствие этого пришлось провести большую работу для уточнения (а иногда и полной реконструкции) численности разных национальных групп. Приведу только один пример. Данные о численности белорусов и украинцев в переписях абсолютно недостоверны. Для их реконструкции пришлось воспользоваться сведениями о месте приписки жителей Петербурга крестьянского сословия. Украинцев и белорусов ищем среди выходцев из тех губерний, где живут эти национальности. Однако сложность заключается в том, что население этих губерний неоднородно в этническом отношении. Можно принять условно, что доля белорусов и украинцев среди жителей Петербурга, приехавших из той или иной губернии, соответствует доле этих национальностей среди крестьян данной губернии. Однако известно, что уровень миграционной активности разных этнических групп неодинаков. Пришлось заняться реконструкцией миграционной активности и уже на этой основе восстанавливать численность белорусов и украинцев. Объяснить здесь всю сложную методику реконструкции нет никакой возможности, ограничимся лишь показом результатов этой работы. По переписи в 1881 г. в Петербурге учтено 330 человек с родным украинским языком и 31 — с белорусским, по переписи 1910 г. — соответственно 2,9 тыс. и 2,2 тыс. По реконструкции же получается в 1881 г. около 1,5 тыс. украинцев и около 7 тыс. белорусов, в 1910 г. — 16 тыс. украинцев и почти 70 тыс. белорусов. Разница, как видим, огромная. Как бы ни оценивать степень точности реконструкции, игнорировать ее результаты нельзя.

³ Более подробно см.: *Н. В. Юхнева. Этнический состав населения Петербурга в конце XIX — начале XX в. — «Этнографические исследования Северо-Запада СССР», с. 192—216.*

⁴ «С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.», в. 1, 2, 3, СПб., 1872, 1875; «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г.», т. I, ч. 1 и 2, т. II, ч. 1—3, СПб., 1883, 1884, 1885; «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г.», СПб., 1891; «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г.», в. I и II. СПб., 1903; «Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.», ч. I и II, б. г.; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», т. XXXVII, город С.-Петербург, тетр. 1 и 2. СПб., 1903. В дальнейшем ссылки на переписи не даются.

II. Основу населения Петербурга составляли русские. В течение исследуемого времени численность их быстро возрастала, но доля в населении не менялась, составляя все время около 82%. Петербург среди всех городов России выделялся обширностью той территории, с которой он притягивал к себе мигрантов. Эта особенность формирования населения Петербурга отмечена В. В. Покшишевским, который писал: «Нормальный путь развития городов заключался в том, что они возникают в сгустках сельского населения, выделяясь из них, как кристаллы в перенасыщенном растворе... Путь этот оказался как бы необязательным для Петербурга, который смог расти, питаясь соками всей России»⁵. И дальше: «„Коренная“ Россия, пробившая себе дорогу к морю, вернувшая в состав нашего государства балтийское побережье и заложившая здесь Петербург, была главным создателем и его промышленности, обеспечив его основной производительной силой — рабочими кадрами»⁶. Последствия крестьянской реформы, рост железнодорожной сети, развитие промышленности привели к особенно активным передвижениям населения в последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. Вследствие этого в населении Петербурга, во-первых, все более и более возрастала доля крестьян по происхождению, во-вторых, расширялся район их выхода. Любопытно в этом отношении сравнение с Москвой. Составленные мною в процессе работы карты наглядно показывают, насколько ареал притяжения Петербурга был обширнее ареала притяжения Москвы.

Уроженцы разных губерний приносили в Петербург разные локальные традиции, речь их отличалась диалектными особенностями. Влияние этих традиций было, разумеется, прямо пропорционально доле уроженцев разных губерний в населении Петербурга. В 1869 г. примерно равные доли в населении — от 4 до 7% составляли выходцы из Петербургской, Ярославской и Тверской губерний; от 1 до 4% давали Псковская, Новгородская, Костромская, Московская и Рязанская губернии. С течением времени миграция из всех губерний увеличивалась, хотя и не совсем равномерно. В 1910 г. наивысший процент в населении Петербурга составляли тверичи (13%) и ярославцы (10%); новгородцев, псковичей и выходцев из Петербургской губернии было по 4—7%; еще семь губерний давали от 1 до 4% каждая (Вологодская, Костромская, Московская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская, Витебская, Виленская). Таким образом, мы видим, что, как ни обширен был в целом ареал притяжения Петербурга, все же неоднородность пришлого столичного населения не следует преувеличивать: район выхода основной массы деревенских мигрантов охватывал главным образом севернорусскую этнографическую зону с прилегающими к ней районами среднерусской зоны.

Пестрота населения Петербурга усугублялась тем, что в нем, наряду с русскими, жило много иноэтнических групп, составлявших около 18% его населения.

Нерусская часть населения Петербурга только в очень незначительной доле состояла из иностранцев (в 1869 г. — 3,1%, в 1910 г. — 1,2%). Среди иностранцев больше всего было немцев, затем — французов и англичан. Часть иностранцев приезжала в Петербург на короткие сроки — купцы, занятые заграничной торговлей, артисты. Более длительное время жили здесь учителя иностранных языков, ремесленники, хозяева модных ателье и магазинов, владельцы фабрик и заводов, инженеры и управляющие на заводах. Основную же массу нерус-

⁵ В. В. Покшишевский, Некоторые вопросы экономико-географического положения Ленинграда. — «Вопросы географии», сборник 38, М., 1956, с. 108—109.

⁶ Там же, с. 116.

ского населения Петербурга составляли российские подданные, представители населявших Российскую империю национальностей.

Со времени основания Петербурга в составе его населения были немцы, шведы, финны. Численность шведов в исследуемое время постепенно падала (с 5 до 3,5 тыс. чел.), а численность финнов и немцев держалась примерно на одном уровне (финнов было постоянно около 20 тыс. чел., немцев — около 45 тыс.). Остальные этнические группы фактически сформировались здесь только в пореформенное время.

Белорусов в начале изучаемого времени было около 5 тыс., но в 1890-ые г. началась их массовая миграция в столицу, вызванная тяжелым экономическим положением крестьян Западного края. В результате их численность к 1910 г. достигла 70 тыс. Белорусы стали самой многочисленной после русских этнической группой в Петербурге. Численность украинцев была меньше (в 1869 г. — меньше тысячи, в 1910 г. — около 16 тыс.), а темпы ее роста — более медленными. Это объяснялось отчасти большей удаленностью Украины от Петербурга, но главным образом тем, что избыточное население украинской деревни находило работу в капиталистическом сельском хозяйстве и развитой промышленности Украины и Южной России. Поляки в конце XIX — начале XX в. среди национальных меньшинств Петербурга занимали по численности второе либо третье место. В 1869 г. поляков было свыше 11 тыс., в 1910 г. уже более 60 тыс. Значительную группу составляли евреи (в 1869 г. — 7 тыс., в 1910 г. — 35 тыс.). Численность эстонцев за это же время выросла от 2 до 20 с лишним тыс. К началу XX в. довольно многочисленные группы стали составлять литовцы и латыши (в 1910 г. — 10 тыс. литовцев и 14 тыс. латышей).

В результате всех этих процессов этническая структура населения Петербурга с 1869—81 гг. до 1900—1910 гг. сильно изменилась. Доля русских, как уже говорилось, оставалась почти стабильной. Однако этнический состав нерусской части населения претерпел большие изменения. В 1869 г. он был в основном немецко-финским. Немцы составляли тогда 40% всех национальных меньшинств, финны — 14%; третье место занимали поляки (10%), четвертое — евреи (6%). К 1910 г. характер этнической структуры оказался совсем иным, чем четыре десятилетия назад. Белорусы и украинцы вместе составляли теперь 29% всех национальных меньшинств. Второй по величине группой стали поляки (17%). Доля немцев значительно уменьшилась, они оказались на третьем месте (13%). Четвертое место заняли евреи (10%). Таким образом, к 1910 г. среди нерусской части населения Петербурга стали преобладать славяне (белорусы, украинцы, поляки). Кроме того, значительно увеличилась доля русскоязычного, хотя и не русского населения. Русскоязычные петербуржцы и представители славянских народов вместе составляли в 1910 г. 57% всех нерусских жителей столицы (против 21% в 1869 г.), а немцы, финны, шведы, эстонцы — 24% (против 62% в 1869 г.).

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ХАРАКТЕР РАССЕЛЕНИЯ

I. Социально-профессиональная и классовая структура всего населения большого города и входящих в его состав этнических групп обычно не совпадают. Зависит это от многих факторов. Известную роль играет социальный состав соответствующей национальности на ее основной этнической территории, а также социально-экономические или политические причины, влияющие на склонность к миграциям тех или иных социальных или профессиональных групп. Но главное значение имеют условия, сложившиеся в самом городе — потребность в рабочих руках, темпы развития разных отраслей промышленности. Влияет

также общая социально-экономическая и политическая ситуация в стране.

В России до середины XIX в. сильное сдерживающее влияние на территориальную и особенно социальную мобильность русского крестьянства оказывало крепостное право. Поэтому в начале XVIII в. при создании новой столицы правительству пришлось принять особые меры для обеспечения ее необходимой рабочей силой. Переселяя в Петербург мастеровых из городов и сел, формировали кадры заводских рабочих. Строительные и другие малоквалифицированные рабочие вербовались в основном из крепостных крестьян. Для занятия ремеслами приглашали, кроме русских, также и иностранных мастеров. Последнее было вызвано относительной неразвитостью некоторых ремесел в России (например, часового), а также стремлением ввести в обиход общеевропейскую одежду, мебель, предметы быта. Постепенно ремеслом в Петербурге стало заниматься все больше и больше русских, однако переход в ремесленное сословие был затруднен, и многие русские ремесленники продолжали формально числиться крестьянами. В конце XIX — начале XX в., когда очень возросла мобильность русского крестьянства, ремесленные производства росли уже гораздо медленнее, чем фабрично-заводская промышленность, которая главным образом и поглощала избыточное русское сельское население. В результате в ремесленном производстве национальные меньшинства играли весьма заметную роль, рабочий же класс был гораздо более однородно русским. Правда, в этом отношении, разные отрасли ремесла сильно между собою различались. Приведу данные переписи 1869 г. Были чисто русские производства, среди них — пряничное, сбитенное, квасное, кружевное, иконописное. В других, например, в портняжном — доля русских была равна их доле во всем населении города. И, наконец, в ряде отраслей доля русских была ниже их доли в населении Петербурга (среди ремесленников, изготовлявших часы, оптические и хирургические инструменты, ювелиров). Были профессии, характерные для определенных национальностей: для немцев — булочники, аптекари, для евреев — сапожники, для татар — дворники и торговцы-разносчики, для швейцарцев — часовых дел мастера, для словаков — жестянщики и т. д.

Во многих ремесленных производствах среди хозяев доля русских была ниже, чем среди подмастерьев, учеников и работников. В 1869 г. многонациональным было и петербургское купечество. Русское купечество в то время было сосредоточено главным образом в Москве. В Петербурге среди купцов по сословной принадлежности русских было около 60%. Однако не надо думать, что такова была их доля среди всех торговцев: многие, даже крупные, торговцы числились крестьянами. Этнически неоднородным было в Петербурге и высшее сословие — дворянство. Впрочем, доля русских среди дворян соответствовала их доле во всем населении города (82%). Остальные 18% были главным образом поляки и немцы. Среди интеллигентных профессий высокой долей нерусских (до 35%) отличались врачи и педагоги.

В дальнейшем (в конце XIX в. — начале XX в.) изменения в этническом составе социальных и профессиональных групп шли в направлении постепенного сглаживания этнических различий.

II. Значительный интерес для этнографа представляет расселение национальных групп городского населения — этническая топография города. В зависимости от исторических, экономических и политических условий расселение этнических групп в городе бывает различным. От его характера зависит в большой степени сохранение этнических традиций. Выделяются три наиболее отличающиеся друг от друга типа этнической топографии.

1. В рамках одного поселения существуют как бы два национальных города с дублированием большинства функций. Каждый город живет по своим обычаям; взаимовлияние, хотя и наблюдается, но оно минимально. Эта форма расселения присуща главным образом колониям. В России такой характер имели среднеазиатские города, отчетливо делившиеся на русскую (европейскую) и туземную части⁷.

2. Город имеет единый центр и окраины, функционирует как вполне целостный организм, внутри которого отдельные этнические группы живут сплоченно, образуя анклав среди массы инонационального окружения (кварталы, слободы). В этом случае межэтнические контакты и влияния значительнее, однако внутри каждого этнического микрорайона сохраняются свои традиции и связи. Такой тип расселения был присущ некоторым городам нашей страны в период феодализма⁸ (в том числе и Петербургу XVIII в.).

3. Город с дисперсным расселением этнических групп. Такое расселение характерно для эпохи капитализма и наиболее способствует смешению этнических традиций. Однако и в этом случае представители одной национальности, хотя и живут в инонациональном окружении, но часто составляют в определенных районах значительно большую, чем во всем городе, долю. Причины этого явления различны. С одной стороны — инерция предыдущего периода, земляческие связи и национальное предпочтение, заставляющие селиться ближе к своим. С другой — факты социального характера: расселение национальных меньшинств в значительной степени зависит от их занятий и социального статуса. Петербургу конца XIX — начала XX в. был присущ в основном дисперсный тип расселения этнических групп.

Расселение этнических групп изучалось мною на основе переписей, которые дают подразделение на довольно мелкие административные единицы, а также на основе адресных книг и разных литературных источников. Составлено около 150 картграмм.

Расселение национальных групп исследовалось с двух точек зрения — с точки зрения целого, т. е. всего городского населения и как бы изнутри каждой национальной группы. В первом случае выясняется этнический состав населения по районам. Такой подход позволяет уяснить этническую ситуацию в каждой части города, понять межнациональные взаимоотношения, возможности культурных влияний. В результате воссоздаются этническая ситуация и этнические процессы в городе в целом. Во втором случае объектом исследования становится отдельная этническая группа. Так можно изучить расселение любой, даже самой малочисленной группы, пусть она в населении составляет ничтожный процент; этот подход ведет к пониманию судьбы данной группы, показывает степень ее сплоченности. Таким путем мы исследовали расселение наиболее многочисленных в Петербурге этнических групп.

Самым неоднородным этнически был центр Петербурга. Но разные части центра различались в этом смысле между собой. Административная и культурная часть центра, населенная родовой и служилой аристократией, а также интеллигенцией, по концентрации нерусского населения занимала второе место. В начале изучаемого периода доля русских здесь была ниже среднепетербургской, в конце — равна ей; состав нерусского населения был по преимуществу немецко-польским (сначала преобладали немцы, в конце соотношение немцев и поляков стало примерно 1:1).

⁷ «Современные этнические процессы в СССР», с. 165.

⁸ М. Г. Рабинович. Об этническом составе первоначального населения Москвы. — «Сов. этнография», 1962, № 2, с. 11; *его же*. Очерки этнографии русского феодального города, с. 70—72.

Больше всего национальных меньшинств было сосредоточено в двух районах, с юга и севера примыкавших к аристократической зоне. На Васильевском острове помещался научный центр с Университетом, Академией наук, Академией художеств; этот район был также средоточием торговли с заграницей. Здесь всегда наблюдалась очень высокая концентрация жителей нерусских национальностей, среди которых преобладали немцы.

К югу от административного и культурного центра был расположен торгово-ремесленный район. Он как бы делился на две части. Ближе к центру (в районе Казанского собора) селилось больше иностранцев и вообще нерусских. Вначале это были главным образом немцы, а также шведы и финны. На рубеже XX в. здесь повысилась доля русских, а среди иноэтнических групп — поляков и евреев. Вторая часть торгово-ремесленного района (вокруг Садовой улицы и Сенной площади), несколько более удаленная от центра, была по преимуществу заселена русскими. Здесь располагались гостиные дворы и крупнейшие рынки столицы.

Таким образом, если в аристократической части города не было национально-территориального размежевания, то в ремесленной оно очень ощущалось и сохранялось вплоть до 1917 г. То же можно сказать и о расселении купечества. Иностранные купцы, которые вели торговлю с зарубежными странами, жили в западной части города, ближе к порту. Русское купечество, занятое внутренней торговлей, селилось в восточной части города, недалеко от Московского вокзала, связывавшего Петербург с центральной Россией.

Следующий пояс составляли окраины, которые были заселены в основном русскими: рабочий класс Петербурга, как уже говорилось, был наиболее однородным в этническом отношении. Но иноэтнические включения в русский рабочий класс различались по районам. Меньше всего национальных меньшинств было на юге. Из инонациональных групп здесь преобладали белорусы и поляки (последних, в частности, было много на крупнейшем в Петербурге Путиловском заводе). Иностранные рабочие концентрировались на Васильевском острове; впрочем, их было немного. Но на одной из окраин Петербурга (на Выборгской стороне) и среди рабочих была довольно значительна прослойка нерусских, а именно финнов. Район этот непосредственно примыкал к заселенному финнами Карельскому перешейку; здесь же находился Финляндский вокзал, связывавший Петербург с Финляндией.

Этническая карта Петербурга с годами становилась все более однородной. По данным 1910 г. доля русских в населении была меньше среднепетербургской только в торгово-ремесленном районе и на восточной оконечности Васильевского острова; это составляло очень небольшую часть сильно разросшейся к тому времени площади города.

Мы не имеем возможности здесь анализировать характер расселения разных этнических групп. Заметим лишь, что картографирование расселения каждой национальности отдельно позволило обнаружить большие различия между ними в этом смысле. Некоторые селились рассеянно; так, характер расселения поляков, литовцев, латышей почти не был обусловлен этническими причинами. Другие группы селились в тесной близости друг от друга (финны, евреи, татары). Общая же тенденция состояла в постепенном переходе к рассеянному расселению. Исключение составляли, пожалуй, одни только финны.

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1. Этнические процессы — явление в высшей степени сложное и многосоставное. Применительно к Петербургу речь может идти, с одной стороны, о процессах, происходивших внутри населения города, с

другой — о том влиянии, которое оказывал Петербург на те или иные этносы в целом, на их культурное и этническое развитие.

Рассматривая этнические процессы, протекавшие в рамках Петербурга, мы имеем дело с судьбами не этносов, а более или менее многочисленных их представителей. Среди этнических процессов этого рода основным было влияние русской культуры на национальные группы. Но имело место и обратное влияние: в культуре русских жителей Петербурга можно обнаружить некоторые инациональные культурные и бытовые заимствования. Кроме того, нерусские этнические группы находились в сложных взаимоотношениях между собой (поляки, литовцы и белорусы, немцы и эстонцы, эстонцы и финны и т. д.).

Влияние Петербурга на этносы в целом — это главным образом воздействие на процессы консолидации, на становление национальных культур. Бесспорна роль Петербурга для русской культуры и русского этноса. Но Петербург сыграл большую роль в этническом развитии и некоторых других народов, как входивших в состав Российской империи, так и зарубежных. В петербургских учебных заведениях готовились национальные культурные кадры; здесь подолгу жили и работали многие деятели культуры украинского, белорусского, эстонского, латышского и других народов России. Для некоторых народов, подвергавшихся у себя на родине национальному гнету, Петербург стал центром (или одним из центров) национального возрождения. Такую роль он сыграл для эстонцев, латышей, армян, некоторых южнославянских народов. Будучи центром российского революционного движения, Петербург также оказывал влияние на формирование революционных традиций народов России; русские революционеры, начиная с народников и кончая социал-демократами, поддерживали интенсивные связи с Украиной, Белоруссией, Прибалтикой, Польшей.

Названные две проблемы теснейшим образом между собой связаны. Имеется область, где они пересекаются, именно — жизнь и деятельность той части каждой национальной колонии, которая не порывала связи с родиной и своей деятельностью в Петербурге влияла на консолидацию и культурное развитие своего этноса. Вместе с тем, есть и непересекающиеся области в этих проблемах. С одной стороны, — жизнь и быт тех этнических групп (или их частей) в Петербурге, которые никак не влияли (или почти не влияли) на соответствующий этнос в целом. С другой стороны, — весь круг вопросов, связанных с анализом того, как именно «петербургское влияние» отражалось на том или ином этносе (в этом случае объект исследования находится уже вне Петербурга).

II. Как уж говорилось, основным содержанием этнических процессов в среде петербургского населения было влияние русской культуры на инациональные группы. Перед исследователем встает вопрос: был ли Петербург тем «плавильным котлом», который переплавлял и ассимилировал представителей многочисленных национальностей, постоянно вливавшихся в население русской столицы? Для ответа на этот вопрос необходимо исследовать по крайней мере шесть составляющих процесса ассимиляции: культурно-бытовые изменения, языковую ассимиляцию, смену этнического самосознания, социально-экономическую адаптацию, межнациональные браки, для иностранцев — также перемену подданства⁹.

Все это еще предстоит исследовать. Поэтому, не претендуя на полноту освещения, охарактеризуем этнические ситуации, складывавшиеся в Петербурге для некоторых национальностей.

⁹ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 158—159.

Характер этнических ситуаций в Петербурге был очень разнообразен. Играло роль множество факторов: размеры группы, ее социальный статус, время поселения в Петербурге, соотношение временных и постоянных жителей, характер расселения и т. д., а также собственно этнические факторы — степень культурной, конфессиональной и языковой близости с русскими, развитость этнического самосознания, уровень напряженности национальных чувств, взаимоотношения с другими этническими группами внутри Петербурга, язык обучения и язык повседневного общения, наличие или отсутствие национальных организаций в Петербурге, ориентация на «петербургские» интересы или интересы родины и т. п.

Этническая ситуация, в которой оказывались в Петербурге белорусы, определялась относительно поздним созреванием их национального самосознания, что было следствием целого ряда исторических, социальных, политических и этнических причин. Подавляющая часть белорусов (исповедывавших православие) вследствие большой культурной и языковой близости с русскими и общности религии в условиях Петербурга быстро интегрировалась с русским населением. Белорусы-крестьяне, попадавшие в Петербурге на низшие ступени социальной лестницы, легко общались с русскими; особенности их речи воспринимались и ими самими, и окружающими как диалект русского языка. Практически белорусы не выделяли себя среди русских; существовавшие между белорусами связи субъективно ощущались как земляческие. Все это способствовало ассимиляции белорусских крестьян, поселившихся в Петербурге. Можно с большой долей уверенности предположить, что белорусы второго поколения в Петербурге уже считали себя русскими. В среде интеллигенции, в частности студенчества, сознание своей принадлежности к белорусскому этносу было более четким (хотя и не напряженным), но приобщение к русскому языку и русской культуре — более безусловным.

Среди белорусов была также группа, близкая полякам — белорусы-католики. При этом по отношению к крестьянам-католикам скорее нужно говорить не о фактической близости к полякам, а о близости самосознания или даже, вернее, самоназвания. Исповедуя «польскую» веру, белорус-крестьянин называл себя поляком, но говорил он по-белорусски. В Петербурге его ждало два варианта судьбы. Попав в русское окружение, он легко адаптировался. Оказавшись среди поляков, мог сблизиться и с ними, чему способствовала общая церковь и понимание польской речи. Белорусские интеллигенты-католики, получившие на родине польское образование и таким образом приобщившиеся к польской культуре, имели, по-видимому, в какой-то мере двойственное самосознание: среди русских они чувствовали себя поляками, среди поляков — помнили о своем белорусском происхождении. Надо заметить, что известная расплывчатость этнического самосознания и тем более неточность этнических самоназваний была свойственна не только белорусам, но и некоторым другим жителям Западного края.

Совсем иным было положение поляков в Петербурге. Для них были характерны высокий уровень национального самосознания, большая напряженность национальных чувств. В начале изучаемого периода социальная структура польской группы была своеобразной: в ней решительно преобладали интеллигентные и высшие слои общества. На рубеже XX в. появились также поляки-рабочие.

В польской культуре в Петербурге отчетливо видны две культуры — клерикально-аристократическая и революционно-демократическая. Во второй половине XIX в. Петербург становится центром польского католичества. Здесь находилась Императорская духовная римско-католическая академия, переведенная сюда из Вильны. Ее роль особенно возросла после 1867 г., когда была ликвидирована Духовная

академия в Варшаве. В Петербурге постоянно выходили издаваемые католическим духовенством газеты и другие издания религиозного содержания. Вместе с тем, Петербург в последней трети XIX в. становится средоточием демократически и патриотически настроенной польской молодежи — офицерства и студенчества. Они создавали землячества, объединявшие поляков, литовцев и белорусов-католиков. Многие поляки (студенты и военные) были членами русских революционных организаций — народнических, а потом и социал-демократических¹⁰. В конце XIX и в начале XX в. в Петербурге появилось много поляков-рабочих. Стали возникать польские массовые, в том числе и рабочие объединения¹¹. В связи с этим в первом десятилетии XX в. можно отметить известный расцвет польской массовой культуры и объединений в Петербурге, что объяснялось как ростом численности поляков, так и снятием некоторых ограничений.

Этническая ситуация для поляков в Петербурге характеризовалась следующими чертами: четко выраженное национальное самосознание, двуязычие, для большинства — связь с родиной, ориентация на ее интересы. В течение исследуемого времени характер этнической ситуации менялся. Вначале у поляков было меньше возможностей пользоваться родным языком, отсутствовали национальные общества и объединения; большая доля поляков связывала свою жизнь с Петербургом и ориентировалась на интеграцию с петербургским населением; для этого времени характерна частичная языковая ассимиляция. В конце периода — большая доля временно живущих в Петербурге, большие возможности национальных контактов и использования национальной культуры.

Для эстонцев и латышей можно отметить некоторое сходство этнических ситуаций. В Прибалтике немецкая правящая верхушка, поместное дворянство и духовенство вели активную политику онемечивания коренных национальностей; национальное возрождение оказалось возможным для эстонцев и латышей лишь в союзе с передовой русской культурой. Петербург сыграл большую роль в деле культурного возрождения эстонского народа. В 60—70-е г. здесь возникает кружок патриотически настроенной эстонской интеллигенции, поддерживавший связи с родиной¹². В 70-е г. именно здесь впервые (раньше, чем в Эстонии) состоялись театральные представления на эстонском языке. К концу века Петербург стал одним из главных эстонских театральных центров, который задавал тон всему эстонскому театру. «Влияние прогрессивных традиций русской культуры на эстонскую, — пишет эстонский историк Р. Пуллат, — шло через петербургских эстонцев»¹³. В Петербурге происходило также немало событий, имевших большое значение и для национального возрождения латышского народа. В 1860-е г. здесь сосредоточилось младолатышское движение, издавалась первая демократическая латышская газета. В 1880-е годы действовала студенческая группа, выражавшая взгляды так называемого «нового течения»¹⁴. Однако в положении эстонцев и латышей в Петербурге имелись и различия. Так, эстонская колония была многочисленнее, следствием чего было наличие в Петер-

¹⁰ О поляках-революционерах в Петербурге имеется обширная литература. См. например, А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. 30—60 годы XIX века. М., 1962; А. М. Орехов. Участие польских студентов в социал-демократической пропаганде в Петербурге (1889—1892 гг.) — «Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.)», М., 1967, с. 367—390; Т. Г. Снытко. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969; А. М. Орехов. Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. М., 1973.

¹¹ I. Spustek. Polacy w Piotrogradzie, 1914—1917. Warszawa, 1966, s. 119—137.

¹² «История Эстонской ССР», т. 2. Таллин, 1966.

¹³ R. Pullat. Pietarin virolaiset ja suomalaiset. Vertaileva historiallinen tutkimus 1700-luvulta vuoteen 1917.— «Turun Historiallinen Arkisto», 29, s. 51.

¹⁴ «История Латвийской ССР», т. 2. Рига, 1954; В. А. Васере, Г. М. Мацков. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965.

бурге целого ряда массовых эстонских организаций. Нельзя не отметить также характерную только для эстонцев сильную финскую ориентацию.

Этническая ситуация, в которой в Петербурге находились немцы, была не совсем одинакова для разных групп немецкоязычного населения. Около трети немцев составляли иностранные подданные, обладавшие особым статусом. Впрочем, немцы-иностранцы значительно органичнее были включены в жизнь Петербурга, чем иностранцы других национальностей — и как раз потому, что в Петербурге имелось многочисленное немецкое население российского происхождения. Это были натурализованные иностранцы, потомки тех немцев, которые переселились в Россию в XVIII — начале XIX в., но главным образом — немцы прибалтийского происхождения. Среди немцев был наивысший по сравнению с другими национальностями процент постоянных жителей столицы и ее уроженцев, тем не менее ассимиляционные процессы у них шли медленно. Немцы были единственной в Петербурге этнической группой, которая длительно (на протяжении нескольких поколений) сохраняла не только национальное самосознание, но и родной язык — благодаря наличию в Петербурге немецких школ, немецкой печати и разного рода обществ.

В высших социальных слоях немцы были двуязычны, хорошо владели и русским, и немецким языками. Сохранению немецкого языка способствовал его высокий престиж среди русского образованного населения. Вместе с тем, приобщение к русской культуре, постоянное межнациональное общение, обучение в русских учебных заведениях (по крайней мере, в высших), заключение межнациональных браков способствовали тому, что среди немцев, принадлежавших к высшим и интеллигентным слоям, шел хотя и не особенно быстрый, но постоянный процесс ассимиляции. Гораздо медленнее ассимиляционные процессы шли в торговом-ремесленных слоях. В Петербурге было много ремесленных мастерских, где работали почти исключительно немцы. Свой досуг немец-ремесленник проводил дома, в немецких пивных, в немецком клубе, немецких цеховых организациях или немецкой церкви. Естественно, что основным разговорным языком оставался немецкий. В книге, изданной в 1874 г., говорится, что «не редкость ныне встретить в Петербурге немца, из постоянных даже жителей, который не умеет сказать двух слов по русски»¹⁵.

Этническая ситуация, сложившаяся в Петербурге для евреев, определялась в значительной степени общероссийской, именно — существованием так называемой черты оседлости для евреев, вне которой миграция их была крайне затруднена. Отсюда — относительно медленный рост численности евреев в Петербурге вплоть до 1900 г. и даже ее падение между переписями 1881 г. и 1890 г. (вследствие антиеврейского закона 1882 г.). Особое законодательство для евреев, дававшее право на жительство вне черты оседлости лишь лицам определенных профессий и уровня образования, наложило отпечаток на социальную структуру еврейской этнической группы в Петербурге. В ней преобладали ремесленники и совершенно отсутствовали неквалифицированные рабочие, прислуга и т. п. группы, составлявшие значительную часть еврейского населения городов, входивших в черту оседлости.

В начале изучаемого периода большинство евреев в Петербурге были недавними или временными жителями. Селились они очень компактно в одном небольшом районе. В 1869 г. никто из евреев не считал русский язык родным, многие плохо его знали. К концу изучаемого периода положение резко изменилось: среди евреев стало много постоянных жителей и уроженцев столицы. Подвляющее большинство их хорошо владело русским языком, в 1910 г. 43% евреев считали этот язык родным.

¹⁵ В. Михневич. Петербург весь на ладони. СПб., 1874, с. 261.

К этому времени евреи более равномерно расселились по всему Петербургу, только вновь прибывающие продолжали концентрироваться в одном районе. Относительная быстрота интеграции евреев в Петербурге, несмотря на то, что религиозное отличие от основной массы населения не благоприятствовало этому, в значительной степени определялась тем, что большинство приезжающих в столицу евреев ориентировалось на включение в петербургскую жизнь, связи с родиной и национально-замкнутой средой Западного края сознательно порывались. Переход значительной части евреев на русский язык облегчался тем, что еврейский язык (идиш) не ощущался ими как важный этнообъединяющий фактор (отчасти из-за диалектных различий, отчасти из-за того, что основную этнообъединяющую роль играла религия). Но этническое самосознание сохранялось прочно, исчезая (во втором-третьем поколении) лишь при перемене религии (но перемена религии была довольно редким явлением).

Бросается в глаза большое разнообразие этнических ситуаций (и это при том, что мы анализировали далеко не все этнические группы); так, совсем опущены малочисленные группы, а также иностранцы. Прослеживаются большая или меньшая этническая сложность разных национальных групп, недостаточно развитое этническое самосознание (белорусы) или четкое этническое самосознание в сочетании с напряженностью национальных чувств (поляки); большая культурная, языковая и конфессиональная близость к русским (белорусы, украинцы) и значительные отличия от них (финны, татары); сохранение родного языка и широкие возможности школьного обучения на этом языке (немцы), сохранение родного языка без возможности учиться на нем в Петербурге с почти обязательным двуязычием (поляки, евреи), переход на близкородственный язык (белорусы). Различия видны и в другом: многочисленные и разнообразные национальные организации в Петербурге, существовавшие с давних пор (немцы), более позднее возникновение национальных организаций (поляки, эстонцы, латыши) и почти полное их отсутствие (белорусы, евреи); сильные связи с родиной, ориентация на ее интересы, патриотический настрой (поляки, частично эстонцы, латыши) — и ориентация исключительно на петербургскую жизнь (немцы, евреи). И так далее.

III. До сих пор речь шла о судьбах национальных меньшинств в русском городе, об их постепенной интеграции и частичной ассимиляции. Но на протекавшие в Петербурге этнические процессы следует также посмотреть и с другой стороны — с точки зрения того влияния, которое оказывали на культуру основного населения, русского по национальности, национальные меньшинства.

Какие культурные влияния сталкивались в столице России, что мог видеть петербуржец? В театрах Петербурга выступали труппы разных национальностей, звучало несколько языков. Наряду с постоянными русскими театрами всегда действовали театры, на сцене которых выступали итальянские, французские и немецкие труппы. Много было в Петербурге любительских объединений, в частности, музыкальных и певческих обществ. Подавляющая часть их носила смешанный характер, но были и национальные. Так, русскими были Общество любителей игры на балалайках, кружок мандолинистов и гитаристов. Наряду с этим имелись также несколько немецких, шведское, польское музыкальные общества. Было много русских хоров и немецких певческих ферейнов. На концерты всех этих любительских объединений ходила публика разных национальностей, а в их репертуаре и манере исполнения проявлялись разные национальные вкусы. В Петербурге наряду с церквями господствующей православной религии были католические костелы, лютеранские и реформатские церкви, армянская церковь, синагоги, мечеть и даже буддийский храм. Было не только можно, но даже принято посещать иногда

наиболее интересные и красивые службы в храмах чужих исповеданий. Причем не только лица, исповедовавшие разные направления христианства и принадлежавшие к разным церквям взаимно посещали христианские храмы, но и в синагоге, где был прекрасный хор, в начале XX в. во время больших праздников собиралось немало петербуржцев-христиан¹⁶. Только в мечеть не пускали иноверцев.

Можно отметить также факты совместного участия людей разных национальностей в некоторых формах праздничного досуга. Так, для русских были обычны масленичные катанья на лошадях. В Петербурге на масленицу приезжали окрестные финны на своих небольших лошадках, запряженных в сани, разукрашенные по случаю праздника. Катанья «на вейках» было одним из обязательных элементов петербургского праздничного гулянья. Veikko—по-фински—товарищ, друг, брат; петербуржцы называли «вейками» не только возниц, но и их экипажи. Еще один пример. В Петербурге в начале XIX в. (а может быть, еще в XVIII в.) немцы завели обычай праздновать 23 июня — канун Ивана Купала. К 1870-м гг. в этом празднике принимали участие не только немцы; праздник превратился в простое народное гуляние и никто уже не помнил его первоначального смысла¹⁷.

Имело место и бытовое общение между разными национальными группами. Например, в 1880-е годы в Петербурге был клуб, в котором совместно проводили время мелкое купечество, приказчики, модистки разных национальностей¹⁸. В дальнейшем количество таких национально-смешанных клубов, объединявших людей разных национальностей, росло. Хотя всегда наряду с ними были и чисто национальные объединения.

Межнациональное общение привело к тому, что русские петербуржцы перенимали отдельные обычаи национальных меньшинств, следствием чего явились некоторые культурно-бытовые особенности петербургского русского населения.

Наибольшее воздействие инациональных культур ощущалось в ремесленном производстве. Именно благодаря этому воздействию Петербург оказался единственным русским городом, где существовали ремесленные цехи (в России цеховые организации имелись, кроме Петербурга, только в городах Прибалтики и Западного края). Среди отдельных производств следует отметить хлебопекарное, испытывавшее особенно сильное немецкое влияние. В конце XIX — начале XX в. в Петербурге булочные были двух типов — мануфактурного и ремесленно-цехового. Мануфактурные назывались «московскими», так как подобного рода булочные были характерны для Москвы, а ремесленные — «немецкими», хотя в них даже хозяева, а тем более рабочие не всегда были немцы. В цеховых булочных немецкими были вся производственная терминология, а также цеховые обычаи, обряды, устройство общежитий для подмастерьев и т. д.¹⁹

Ощутимо было влияние инациональных групп на пищу русского населения. Примеру немцев, финнов, эстонцев можно приписать широкое употребление петербуржцами кофе, причем не только в высших социальных слоях, как это было по всей России, а и народными массами. Благодаря финнам в Петербурге гораздо больше, чем в других местах, использовалось сливочное («чухонское») масло.

Проникновение некоторых инациональных обычаев шло через прислугу, домашних учителей, воспитателей. Роль последних, например, от-

¹⁶ «Петербургский иллюстрированный путеводитель». СПб., 1903, с. 65.

¹⁷ В. Михневич. Указ. раб., с. 63.

¹⁸ «Памятная книжка, описание и адресные сведения Петербурга, 1890 г.», СПб., 1890, с. 159.

¹⁹ Б. Иванов. Профессиональное движение рабочих хлебопекарно-кондитерского производства Петрограда и губернии (1900—1917). М., 1920; *его же*. По ступеням борьбы. М., 1934.

разилась в том, что в Петербурге раньше, чем где-либо в России, распространился праздник рождественской елки.

Инонациональные влияния проявлялись и в общественных начинаниях. Так, в Финляндии впервые возникли носившие культурно-просветительный характер общества трезвости; от финнов они были заимствованы эстонцами. В Петербурге сначала появились финское и эстонское общества трезвости, а потом уже и русское. Родившееся в Чехословакии спортивно-культурное сокольское движение пришло в Петербург через поляков, которые считали это движение также и польским (оно было распространено среди галицийских поляков в Австро-Венгрии). В Петербурге первым возник польский «Сокол», и уже вслед за ним — русский.

Ограниченная небольшим объемом статьи, я неизбежно должна была о многом сказать конспективно, многое — совсем опустить. Но мне хотелось, чтобы у читателя создалось хотя бы самое общее-представление о проблемах, которые встают перед этнографом, изучающим старый Петербург.

ON THE ASPECTS OF POPULATION STUDY OF PRE-REVOLUTIONARY ST. PETERSBURG

The paper deals with the ethnic aspects of the ethnographical study of St. Petersburg; it comprises a brief survey of an extensive research work. Chronologically the study embraces the closing third of the 19th and the early years of the 20th century.

The first section of the paper analyses the population's ethnic composition and its trends. The author demonstrates the defects of the existing sources and explains to the reader her own methods of reconstructing the numerical strength of certain ethnic groups. The reconstruction shows that in the period under investigation the proportion of Russians remained stable at about 82 p. c. of the total population. The remaining 18 p. c. varied in its composition: at first there was a preponderance of the German and the Finnish-and-Swedish groups; at the close of the period the Slavic group predominated.

The subject-matter of the paper's second section is the ethno-social structure of the population and the ethnic aspects of its geographical distribution. It is shown that the proportion of ethnic groups in the various social strata and in the different professions does not correspond with their share in the population as a whole: a gravitation of certain nationalities towards particular occupations is noted. Analysis of the population's geographical distribution permits the author to reveal significant regional differences in its ethnic structure. The city's centre was, on the whole, less ethnically homogeneous than its outlying districts. But within the central part itself two zones may be distinguished according to the character of their ethnic geographical distribution: the aristocratic zone with a dispersed settlement of the different nationalities and the zone of tradesmen and craftsmen where the nationalities resided in distinct areas.

In the third section the author expounds his views with regard to certain aspects of ethnic processes in St. Petersburg. The main content of these processes was the influence of Russian culture over non-Russian groups. The paper deals with the destinies of certain national-ethnic groups in this Russian city with their gradual integration and partial assimilation; the ethnic situations that grew up in St. Petersburg for Byelorussians, Poles, Estonians, Letts, Germans, Jews are outlined. At the same time the influence exerted over the culture of the Russian majority by other national-ethnic groups is also mentioned.